

И. АЛИЕВ, М. ПОГРЕБОВА

**ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ОБЛАСТЯХ
ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ И ЗАПАДНОГО ИРАНА
В КОНЦЕ II – НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.**

*(Этнические проблемы истории Центральной Азии
в древности. М., «Наука», 1981)*

Этнические процессы, протекавшие в самом конце II – начале I тыс. до н. э. на территории Восточного Закавказья и Северо-Западного Ирана, имели огромное значение для всего иранского мира и предопределили этноязыковую картину Иранского нагорья и некоторых смежных областей в последующий период их истории. Однако вопрос о путях и характере продвижения ираноязычных племен на территорию Ирана продолжает оставаться предметом дискуссий¹. Сравнение процессов, протекавших в восточнозакавказском и северо-западно-иранском регионах, позволяет высказать ряд новых соображений по этой проблеме.

Этническая картина Восточного Закавказья и Западного Ирана во второй половине II тыс. до н. э. может быть очерчена лишь весьма приблизительно. Археологические материалы, выявленные в интересующих нас областях, свидетельствуют о значительном расширении связей между их насельниками [57; 58; 59; 60], создавшими в интересующую нас эпоху раннего железа близкие по уровню развития [ср. 16, с. 205], но четко различающиеся по инвентарю культуры.

В области Иранского Азербайджана и Курдистана в указанное время, как и в прежнюю эпоху, обитали племенные группы кутиев (о локализации кутийского племенного союза см. [92, с. 252 и сл.]; о кутийском языке см. [111, с. 88 и сл.; 95, с. 19; 77, с. 42 и сл.; 106, с. 8]), южнее которых, по-видимому, простиралась земля луллубейского племенного союза (о луллубеях см. [111, с. 88 и сл.; 95, с. 19; 75, с. 142; 103, с. 324 и сл.; 35, с. 100 и сл.; 6, с. 14 и сл.; 7, с. 81 и сл., 156 и сл.; 100, с. 349–371]). В западных и северных районах Приурмийского бассейна спорадически засвидетельствованы группы хурритского по языку населения [35, с. 98 и сл.; 36; 37, с. 113 и сл.; 38, с. 61–62; 51, с. 88 и сл.; 6, с. 19–21, 24–25; 7, с. 164 и сл.]. Возможно, что в приурмийских областях обитали какие-то

группы касситского этноса [35, с. 120 и сл.; 53, с. 137–138; 6, с. 19 и сл.; 7, с. 78 и сл., 164 и сл.]. Зона Восточного Закавказья в интересующую нас эпоху находилась вне сферы письменных источников; поэтому можно сказать, что мы ничего не знаем об этнонимах племен и племенных групп, обитавших здесь.

О языковой принадлежности насельников Иранского Азербайджана и Курдистана той поры, за исключением разве только хурритов, мы почти ничего не знаем. Из различных источников до нас дошло лишь несколько десятков имен и слов из кутийского [см. 97; 84], луллубейского² и касситского [см. 79; 108; 98; 73] языков. Прежде эти языки объединяли в одну большую языковую семью, которую обычно называли загро-эламской, загросской, каспийской и т.д.³. Однако, по-видимому, нет достаточных оснований объединять названные выше языки в одну семью и тем более увязывать эту постулируемую языковую семью с другими языковыми семьями⁴. Во всяком случае, последние исследования не позволяют нам утверждать родство касситского⁵ с эламским [74] (к сожалению, высказывания К. Балкана [74] по вопросу о возможных связях касситского с другими языками шатки и неубедительны). Возможно, что луллубейский родствен эламскому [95; 111, с. 88, 91 и сл.], но уверенности в этом нет никакой. Нет также уверенности в том, что касситы тождественны поздним каспиям⁶, хотя родство этих народов вполне вероятно.

Что касается хурритского языка, который, несомненно, родствен урартскому [37, с. 113 и сл.; 33], то его в последнее время увязывают с северо-восточно-кавказской (нахско-дагестанской) семьей языков [36]. Не исключена возможность, что к этой семье языков относился и кутийский [37, с. 23; 6, с. 39 и сл.; 7, с. 64–67].

Хурритская проблема – вопрос о происхождении и расселении хурритов⁷, различного рода связях их с другими племенами и народами и т.д. – опирается в решение целого ряда других вопросов этнической истории насельников обширных регионов переднеазиатского древнего Востока [см., например, 7, с. 55 и сл.]. Остается неясным и вопрос о соотношении хурритского и луллубейского элемента в Манне. Однако как будто не приходится сомневаться в относительно широком распространении хурритского этноса в зоне Приурмийского бассейна в эпоху Маннейского царства⁸. Есть основания думать, что хурритские элементы сохранялись здесь и в античное время [7, с. 67–68, 105–106; 37, с. 117; 38, с. 61]. Но нельзя недооценивать в этнической истории Манны роль и значение луллубейского элемента⁹.

Что касается вопроса об этноязыковой принадлежности насельников областей Восточного Закавказья в интересующую нас эпоху, то следует

сказать, что, хотя, как отмечалось выше, зона эта находилась вне сферы письменных источников, у нас нет серьезных оснований думать, что до северо-восточно-кавказских (точнее, дагестанских) языков [см. 71, с. 247 и сл.; 66, 104; 19] в этом регионе были распространены какие-либо другие языки (о языковой принадлежности насельников южно-кавказско-дагестанского региона в начале I тыс. до н.э. см. [51, с. 115–117; 52, с. 9–10]). Почти несомненно, что северо-восточно-кавказская или восточнокавказская группа [43, с. 49; 114; 30], как и вообще иберийско-кавказская¹⁰, была автохтонной¹¹ на Кавказском перешейке. Во всяком случае, мнения о пребывании тюрков в зоне Юго-Восточного Закавказья в древности [72; 73; 62; 13; 14; 15; 63; 31; 28; 4] не выдерживают критики.

Нет оснований увязывать названные выше языки Западного Ирана с языками Восточного Закавказья и говорить об этноязыковом родстве племен, населявших эти два региона во второй половине II тыс. до н. э. Исключение следует сделать разве только для хурритского, который, как уже отмечалось выше, возможно родственен северо-восточно-кавказским (нахско-дагестанским) языкам.

Исторические цивилизации интересующих нас двух регионов были, несомненно, созданы аборигенными племенами, племенными группами и союзами, обитавшими здесь, насколько можно проследить, уже в глубокой древности. Не приходится сомневаться и в том, что на названных территориях до самого начала I тыс. до н. э., а в отдельных случаях и позднее автохтонные этнические группы были доминирующей этнокультурной, экономической и политической силой. Но уже в конце II тыс. до н. э. в областях Восточного Закавказья [57; 59; 60; 86, с. 26 и сл.; 46, с. 187], а в самом конце II тыс. и, уж во всяком случае, в начале I тыс. до н.э. в зоне Северо-Западного Ирана [25; 26; 9; 86; 87; 88] появляется новый этнический элемент.

Использование археологического материала в качестве показателя этнических процессов требует большой осторожности. В частности, попытки проследить по археологическим данным расселение индоевропейских, индоиранских и иранских племен сталкиваются с серьезными трудностями и приводят – и, очевидно, еще долго будут приводить – к значительным разногласиям. Однако совместные исследования историков, археологов и лингвистов позволяют выделить отдельные элементы материальной культуры, поддающиеся этнической интерпретации. В этой связи в Восточном Закавказье привлекает внимание группа так называемых Степных курганов (конец II – начало I тыс. до н. э.) Кировабадско-Ханларско-Мингечаурской зоны, материалы которых довольно резко отличаются от других синхронных им погребальных памятников названной

и смежных территорий [57; 60]. Эти курганы связываются, с одной стороны, с археологическими комплексами южнорусских степей [86; 87; 25, с. 370 и сл.; 9, с. 176–177; ср. 90], основным населением которых в ту пору были ираноязычные племена [1; 3], а с другой – с некоторыми памятниками Северо-Западного Ирана приблизительно того же времени, оставленными, судя по ономастическим и иным данным, ираноязычными мигрантами [25, *passim*].

Характерными чертами Степных курганов Азербайджана являются различные деревянные сооружения, следы огня и особенно обряд конских захоронений [86, с. 41, 370; 57; 59; 60; 46; 47; 5]. Этот обряд, не имеющий истоков в культурах Закавказья и Ирана более раннего времени, скорее должен быть связан с миром южнорусских степей [26; 46; 102; 64; 65; 9], население которых во второй половине II тыс. до н. э., как уже отмечалось, состояло в основном из ираноязычных племен [1; 3]. О том, что выходцы из южнорусских степей, практиковавшие обряд конских захоронений, были распространителями иранской речи за пределами названной территории, свидетельствуют и бесспорные лингвистические данные (это убедительно показано В. И. Абаевым [1; 3]), хорошо увязываемые со свидетельствами археологии (см. работы Э. А. Грантовского, Е. Е. Кузьминой, М. Н. Погребовой и других исследователей). Необходимо отметить, что вне южнорусских степей культ коня распространился значительно позднее и появление его вне названной зоны связано с приходом или прямым влиянием индоевропейцев [47, с. 31], а в случаях, интересующих нас, – с расселением ираноязычных племен [47]. Появление черт, свидетельствующих о существовании культа коня, рассматривается исследователями как новая, собственно иранская особенность в материальной культуре насельников Иранского нагорья, на что неоднократно указывал Р. Гиршман. Можно полагать, что всадничество, использование лошади под верх для военных целей и распространение соответствующего конского снаряжения, хорошо засвидетельствованные в комплексах южнорусских степей [64; 65], Северного Азербайджана [59; 60] и Северо-Западного Ирана [87; 88; 82; 103; 59; 60], были связаны с продвижением ираноязычных племен (это убедительно аргументировано Э. А. Грантовским [25]).

Все это позволяет утверждать, что конские погребения конца II – начала I тыс. до н. э. на Северном Кавказе, в Азербайджане и Северо-Западном Иране фиксируют путь первых ираноязычных иммигрантов, продвигавшихся из южнорусских степей в Переднюю Азию через Кавказ. Возможность кавказского пути продвижения ираноязычного населения была обоснована в результате исследования исторических и лингвисти-

ческих материалов [25; 26]. Продвижение одной из групп ранних ираноязычных иммигрантов по указанному пути – продвижение, продолжавшееся в общей сложности несколько столетий и улавливаемое археологически [59; 60], – очевидно, не исчерпывает ни формы, ни маршрутов таких переселений. Во всяком случае, путь через Дербентский проход был освоен ираноязычными насельниками южнорусских степей еще в конце II – начале I тыс. до н. э., а может быть, и несколько ранее [50, с. 229]. С этого времени на интересующих нас территориях Восточного Закавказья и Западного Ирана начинается новая эпоха, связанная с продвижением и оседанием здесь ираноязычных племен. Последним, как отмечалось выше, суждено было сыграть решающую роль в этнических процессах, протекавших на территории Иранского нагорья на протяжении последующих веков древней истории¹².

Как было сказано выше, в самом конце II – начале I тыс. до н. э. в северо-западной части территории современного Северного Азербайджана (Кировабадско-Ханларско-Мингечаурская зона) появляются вышедшие из южнорусских степей ираноязычные группы населения. Есть основания думать, что эта территория, в античное время известная как Камбисена и Сакасена, начиная с конца II – начала I тыс. до н. э. стала превращаться в новую метрополию ираноязычных иммигрантов, куда они приходили также в последующие века. И в самом деле, вскоре после первых групп ираноязычного населения в эту зону вторгаются новые группы ираноязычных племен – по-видимому, в VIII–VII вв. до н. э. Еще Страбон, повествуя о том, что «саки совершали набеги, подобно киммерийцам и трерам», говорит о завоевании первыми из них области, которой «они (саки. – *Авт.*) оставили название от своего имени – Сакасена» (Страбон, XI, 8, 4 [67, с. 484]).

Обстоятельство, о котором сообщает античный географ, как это видно из самого отрывка, должно быть отнесено к периоду великих переднеазиатских походов киммеро-скифов, т. е. к VIII–VII вв. до н. э. Интересно, что сообщение античного автора о саках подтверждается данными клинописного источника, в котором имя саков поставлено в связь с киммерийским вождем Тугдамме [113], называемым Страбоном Лигдамисом. Быть может, этих саков следует связать с ортокорибантиями Геродота¹³, которые, как сообщает «отец истории», вместе с париканиями (жителями Маннейского царства?) входили в состав Мидийской сатрапии и, очевидно, жили на территории Азербайджана [35, с. 249; 7, с. 230]. Интересно, что сакасины (жители Сакасны) вместе с албанами и кадусиями и в дальнейшем выступали в качестве союзников именно мидян [35, с. 443–444]. К настоящему времени на территории исторической Сакасны

и в ее окрестностях еще не выявлены относящиеся к VIII–VII вв. до н. э. скифские или сакские археологические памятники, хотя в более западных районах такие памятники известны. Но чрезвычайно интересная группа вытянутых погребений Мингечаурского могильника, датируемая, судя по опубликованным материалам, VI–V вв. до н. э., позволяет надеяться, что при дальнейшем исследовании или более обстоятельной публикации подобные памятники будут выявлены.

По мнению одного из авторов настоящего сообщения, эта территория входила в состав Скифского царства, просуществовавшего по крайней мере до начала VI в. до н. э. [12]. Во всяком случае, она была включена в ареал скифского населения, существовавшего в Закавказье в VII–VI вв. до н. э.

В античное время и позднее в интересующем нас регионе известны хоронимы двух рядом расположенных областей, а именно «Сакасена» и «Камбисена». Хоронимы эти являются бесспорными свидетельствами пребывания здесь ираноязычных саков и жителей Камбисены¹⁴.

В I в. н. э. в названную нами зону вторглись аланы, оставившие здесь свои катакомбные погребения [8; 10; 11], последние из которых относятся к VII в. н. э.

О дальнейшей судьбе ираноязычных групп населения Восточного Закавказья мы, к сожалению, ничего не знаем. Но из сказанного выше явствует, что на протяжении почти двух тысячелетий, начиная с конца II тыс. до н. э., сюда приходили и здесь оседали группы ираноязычного населения. На примере интересующей нас территории еще раз подтверждается закономерность, которая была отмечена для индоевропейских племен III–II тыс. до н. э.: они двигались по одним и тем же путям¹⁵.

В эпоху, когда в южнорусских степях и в Восточном Закавказье археологически документируется (а для южнорусских степей и языковыми данными подтверждается) присутствие ираноязычных племен степной культуры, в северо-западных районах Ирана, как об этом свидетельствуют археологические комплексы Хурвина, Амлаша, Марлика, Хасанлу и др., появляются конские захоронения, конская узда, изображения крылатого коня и т. п., что свидетельствует о появлении и здесь новых групп иммигрантов – коневодов и всадников [25; 9, с. 176]. В то же время ряд элементов инвентаря отражает особенно тесную связь упомянутых комплексов с Восточным Закавказьем, в частности с областью, занятой памятниками типа больших Степных курганов. Связи эти носили постоянный и в известной степени односторонний характер, позволяющий предполагать, что элементы культуры Закавказья постепенно просачивались в Западный Иран. Очевидно, наряду с тем поэтапным, медленным продви-

жением, отдельных групп ираноязычных племен, которое можно восстановить на материале памятников типа Степных курганов, существовала и постепенная инфильтрация на территорию Западного Ирана и собственно закавказского населения, возможно втянутого в передвижение ираноязычных племен.

Таким образом, археологические данные указывают на появление новых элементов культуры и в областях к югу от Аракса в конце II и в начальные века I тыс. до н. э. О том, что эти элементы связаны с появлением здесь ираноязычных племен [115; 116; 117], с несомненностью говорят ономастика, засвидетельствованная в ассирийских источниках [25, *passim*; 26, *passim*], и некоторые другие материалы [112].

Этноязыковая ситуация в областях Западного Ирана в начальные столетия I тыс. до н. э. выглядит приблизительно так. Кутии, очевидно, постепенно сходят с исторической арены и начинают смешиваться с другими племенами¹⁶. Источники сообщают о «мехранском» языке [34, № 65, примеч. 7], ближе неизвестном¹⁷. Упоминается страна Сипирмена, обитатели которой «бормочут, как женщины» [35, с. 158]. Неиранская по языку, скорее хуррито-луллубейская зона Приурмийского бассейна, где существует несколько более или менее крупных и значительное количество мелких объединений, была почти со всех сторон окружена ираноязычными племенами [25], в отдельных случаях постепенно проникавшими в местную этническую среду [59].

Удельный вес ираноязычного элемента в северо-западных областях Иранского нагорья уже в самом начале I тыс. до н. э. был довольно значительным. Данные ономастики со всей очевидностью свидетельствуют о широком расселении здесь в указанное время групп ираноязычного населения [25]. В клинописи встречаются десятки топонимов – Bit-Bagaia, AniaStania, Tarui, Tarmakisa, Arzabi(i)a [Arsabi(i)a], Bit-Ramatua и др. – с прозрачной иранской этимологией. На интересующей нас территории известно немало ярко выраженных иранских социальных, религиозных, культурно-исторических терминов, напримерš (y)ati-, arta-, xšādra-, farnah-, mazda, бага-, атр- и др.

Все сказанное не оставляет сомнения в том, что проникавшие с Кавказского перешейка, в частности из Восточного Закавказья, в Иран население южнорусских степей – это ранние иранцы, представители которых, возможно, изображены на известном барельефе Ашшурнасирпала II из Нимруда [112]. (Однако Т. Сулимирский не прав, считая этих людей скифами.)

Относительно быстрому распространению иранских диалектов среди местного населения областей Западного Ирана способствовал ряд об-

стоятельств. Прежде всего это особое положение мигрирующих ираноязычных племенных групп, являвшихся коневодами-всадниками. Нельзя забывать и о том, что в ту пору насельники Северо-Западного Ирана не являли собой единой языковой общности, а состояли из отдельных племен и племенных групп, в экономическом, политическом, нередко и в культурном отношении мало связанных, а то и вовсе не связанных между собой; они говорили на различных языках, мало понятных или совсем непонятных друг другу. Только для части населения, а именно для той, которая входила в Маннейское государство, охватывавшее временами более или менее значительные территории Приурмийского бассейна, заметны признаки некоторой этнической консолидации [7, с. 202].

Общий рост общественного и культурного уровня аборигенов к югу от Аракса, по-видимому, вел к необходимости восприятия общепонятного языка. Именно пришлые ираноязычные племена, осваивая ту или иную территорию, распространяли там свой язык. При этом происходило, очевидно, «затухание интегрирующей функции» (по выражению М. Н. Губогло) местных языков, которые, судя по всему, не имели шансов устоять в конкуренции с языками скотоводов, распространенными на широких пространствах в более или менее единообразных формах [1, с. 121; 39, с. 125]. Смена языка «как средства передачи культурных традиций имела огромное значение для развития культуры в самом широком смысле» [39, с. 125].

Мы теперь хорошо знаем, что распространение в самом начале I тыс. до н. э. в северо-западных областях Ирана иранской речи сопровождалось коренными изменениями и других основных черт культуры населения этого региона. Это заметно в быту, хозяйственной жизни, военном деле, религии, в какой-то мере в социальной структуре, политических институтах и т. д. Особенно наглядны изменения в военном деле, выразившиеся в увеличении роли конных воинов. Следует отметить, что эти явления представляли собой развитие соответствующих черт, свойственных ранее ираноязычным племенам, и восходили к арийской, а нередко и к индоевропейской эпохе [25, с. 376; 40, с. 38].

Постепенная языковая, а затем и культурная ассимиляция аборигенов названных областей Ирана вела к деэтнизации их, а в конечном счете к этнической ассимиляции. Случаи, когда смена языка ведет к сравнительно быстрой (нередко во втором или в третьем поколении) смене этнической принадлежности группы людей, т. е. к ее ассимиляции, – явления довольно частые, хорошо засвидетельствованные в этнографии [21, с. 54].

У нас нет серьезных оснований думать, что процесс ассимиляции аборигенов интересующего нас края был насильственным. Скорее всего

это был естественный процесс. Иранский язык (точнее, близкородственные наречия северо-западной иранской группы), как язык широко распространенный, и притом распространенный в более или менее единообразных формах на обширнейших пространствах, начиная от Аракса и Урмии и кончая современной Туркменией [3, с. 35], становился языком межобщинных, межплеменных коммуникаций [39, с. 125]. Таким образом, этот язык в тех социально-политических условиях оказался более общественно значимым, чем многочисленные и взаимно непонятные местные языки. Значение этого явления трудно переоценить. При этом следует отметить, что формы хозяйствования, социальные, политические и другие институты, принесенные иммигрантами, в отдельных случаях оказывались более прогрессивными, чем те, которые господствовали среди аборигенов. В других случаях, несомненно, более развитыми оказывались общественные формы древнего земледельческого населения, но оно, не имея единого общепонятного языка, также должно было пользоваться наречиями ираноязычных племен для целей межобщинных и межплеменных сношений.

Очевидно, во второй четверти I тыс. до н. э. значительная часть областей Западного Ирана уже подверглась иранизации. Сложившиеся в ту эпоху ираноязычные народности по большей части состояли из потомков автохтонного населения. Они не только усвоили материальную культуру и хозяйственные достижения аборигенов, но частично унаследовали также и их антропологические типы [40, с. 38].

По-видимому, решающую роль в более или менее полной иранизации западноиранского региона сыграло завоевание мидянами Манны, положившее конец существованию самостоятельной государственности у местных племен почти на три столетия. Общеизвестно, что государство с момента своего возникновения выступает в качестве важнейшего фактора в этнических процессах [21, с. 171]. Политическое господство той или иной этнической группы, в том числе установленное в результате завоеваний, в значительной мере предопределило направленность этнических процессов при формировании многих народностей [5]. Так было и в областях Северо-Западного Ирана. Именно индийское завоевание положило начало формированию нового этнического образования на указанной территории¹⁸. Отныне на протяжении веков мидийский этнический элемент играл главную роль в этом регионе. По-видимому, уже в предамидское время манней и другие этнические группы слились по преимуществу с мидянами. Во всяком случае, уже в раннеантичное время от них почти не осталось следа. В середине и во второй половине I тыс. до н. э.

на этой территории, за очень небольшим исключением, засвидетельствованы только ираноязычные группы населения.

Таким образом, благодаря приходу на территорию Северо-Западного Ирана ираноязычного населения в конце II – начале I тыс. до н.э. уже в первой половине I тыс. до н. э. регион этот сменил свой этнокультурный и языковой облик и был полностью иранизирован. Иранское нагорье превратилось в новую, вторую метрополию ираноязычных племен.

В восточнокавказском регионе, как мы видели выше, процесс иранизации был частичным: более или менее полной иранизации подверглись только северо-западные районы Северного Азербайджана (зона поздних Сакасны и Камбисены). Трудно сказать, в какое время произошла иранизация прикаспийской полосы Закавказья (зона позднеантичного и ранне-средневекового Маскутского царства).

Иранизация Западного Ирана и упомянутых выше районов Восточного Закавказья протекала по-разному, но сам процесс этот в обоих регионах был тесно связан и явился следствием передвижения родственных групп населения в конце II – начале I тыс. до н. э.

Ираноязычные племена, вышедшие из восточноевропейских степей, вероятно, уже в конце II – начале I тыс. до н. э. заселили большие пространства Ближнего и Среднего Востока и смежных областей и создали там вместе со слившимися с ними аборигенами этих земель свои исторические цивилизации. В то же время ираноязычные племена внесли заметный вклад в языки и культуру многих народов Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В науке существуют различные мнения по вопросу о путях расселения ираноязычных племен с территории их первоначального обитания. Ираноязычные племена могли попасть в Иран либо через Кавказ, либо через Среднюю Азию. Обе точки зрения имеют многочисленных сторонников [22, с. 33]. Среди сторонников среднеазиатского пути проникновения иранцев можно назвать В. В. Бартольда [17, с. 35–36], И. М. Дьяконова [35, с. 139 и сл.; ср. 38, с. 62], Т. К. Янга [116; 117].

Однако еще в прошлом столетии некоторые ученые считали, что ираноязычные мигранты шли в Иран через Кавказ [108]. Этой же точки зрения придерживались Г. Хюзинг [96], Ф. Кёниг [101], Т. Сулимирский [112], В. В. Порциг [61], Р. Хаушильд [89]. Сторонником этой точки зрения является такой авторитетный иранист, как В. И. Абаев [1; 3]. Очень серьезные аргументы в ее пользу приводит в своих исследованиях Э. А. Грантовский [25; 26]. В своих прежних работах Играр Алиев [7, с. 102] допускал воз-

возможность продвижения ираноязычных племен на территории Иранского нагорья с востока на запад. Во второй половине 60-х годов вопрос о времени и путях проникновения в Иран ираноязычных племен был им коренным образом пересмотрен. Основные выводы по этому и ряду других вопросов ранней истории арийских племен были изложены им в докладе, прочитанном в 1968 г. на IV сессии по древнему Востоку в Ленинграде [см. 18, с. 162; см. также 8, с. 198–199; 9, с. 172–183].

Конечно, ираноязычные племена могли двигаться в Иран и по обеим сторонам Каспия [40, с. 37].

² В частности, известно луллубейское слово *kiugum*, сохранившееся в ассирийских текстах и означавшее «бог» [53, с. 127–128]; что касается имени луллубейского «царя» Анубашгаи, то возможно, что оно, вопреки Г. Хюзингу [95, с. 17], является аккадским [35, с. 102].

³ Эта точка зрения восходит к Г. Хюзингу. В последнее время ее отстаивал Э. Херцфельд [91, с. 191]. Гипотетически можно допустить широкое распространение эламского элемента на территории Иранского нагорья [7, с. 72 и сл.; 85, с. 65 и сл.; 70, с. 295; 48, с. 231, 434; 49, с. 195 и сл.].

⁴ Писалось о родстве этой постулируемой языковой семьи с кавказской, дравидийской, урало-алтайской и т. д. Эти точки зрения должны быть отброшены как не выдерживающие критики. Однако эламский, возможно, родственен дравидийским языкам [37, с. 22, 108 и сл.]. О хурритском и его генетических (?) связях с кавказскими см. ниже.

⁵ По вопросу о возможных генетических связях касситского, который увязывали с так называемыми загро-эламскими, кавказскими, малоазийскими, индоевропейскими и другими языковыми семьями, существует большая литература [95; 109; 91; 98; 74; 83, с. 230; 93, с. 208; 27, с. 17 и сл.; 94, с. 77 и сл.]. В этих работах на основании преимущественно ономастических данных говорится о широком распространении групп «касситского» («каспийского») этноса. Однако следует, по-видимому, отбросить неаргументированные и маловероятные предположения Б. Грозного, связывающего касситов (каспиев) с африканскими кушитами, индийскими кушанами и т. д.

⁶ Каспии, как известно, обитали также и в Азербайджане. О языке их мы практически ничего не знаем. Однако бесспорно, что утверждения о родстве каспийского и хазарского языков, о тюркоязычности каспиев [29, с. 31–32] не выдерживают критики.

⁷ Хурриты, как известно, обитали на обширнейших территориях, начиная от Ван-Урмийских областей и кончая землями Сирии и Малой Азии, причем нередко довольно значительным и, кажется, компактным массивом [7, с. 56 и сл.; 37, с. 113 и сл.].

⁸ Хурритами считают население Манны Р. Дайсон [80; 81; 82] и другие исследователи [176; 107].

⁹ Небезынтересно, что наши источники позволяют в какой-то мере проследить преемственность между понятиями *Lullume*, *Zamua* и Манна. В известном «письме» Саргона II богу Ашшуру сказано: «Страна луллубейская, называемая Замуа» (строка И).

А *Zamua*, как известно, область, где возникло Маннейское царство [7, с. 178]; о Маннейском царстве см. [41].

¹⁰ Большинство лингвистов предполагает исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказской семьи языков [71, с. 7]. Однако это родство остается еще не доказанным [43, с. 75 и сл.]. По-видимому, нет серьезных оснований соотносить эту не доказанную еще языковую общность с куро-араксской раннебронзовой культурой Кавказа, как это делалось до недавнего времени [45; 55, с. 164; ср. 66, с. 410]. На принципиальную невозможность такого соотнесения уже неоднократно указывалось [36, с. 7; 43, с. 76–77; 54, с. 17 и сл.]. Остается открытым вопрос о генетическом отношении всех кавказских языков в целом к другим языкам и языковым семьям, в частности к древним языкам Передней Азии; см. материалы дискуссии, посвященной «хетто-иберийской проблеме», в журнале «Вопросы языкознания» (1954–1956). См. также [44]. Об индоевропейских элементах в кавказских языках см. [42, с. 39 и сл.; 54, с. 23 и сл.]. Об индоевропейско-кавказских схождениях и индоиранско-кавказском контакте см. [38, с. 62].

¹¹ О миграционной теории происхождения народов и языков Кавказа и ее критике см. [43, с. 7 и сл.]. В последнее время нередко пишут о том, что носители куро-араксской культуры были индоевропейцами [54; см. также 23, с. 143]. Иногда утверждают «отдаленное родство» хуррито-урартских и индоевропейских языков [33].

¹² В своем выступлении при обсуждении этого доклада И. Н. Медведская (см. обсуждение докладов) высказала мнение об отсутствии следов связей с северными районами в материальной культуре Ирана конца II тыс. до н. э. Согласиться с этим нельзя. Вещи кавказского происхождения не только входят в комплексы, исследованные на территории Ирана и относящиеся к периоду железный век I, но в ряде случаев весьма широко здесь представлены (например, стрелы с опущенными крыльями). Конечно, это не может еще рассматриваться как следствие этнических передвижений, чего докладчики и не утверждали. Как отражающие миграцию отмечались памятники, наделенные определенными чертами, связываемыми с идеологией ираноязычных народов. К этому можно добавить, что постоянные и устойчивые контакты, которые на протяжении конца II – начала I тыс. до н. э. существовали между Восточным Закавказьем и определенными районами Северо-Западного Ирана, где общие с Закавказьем формы материальной культуры оказываются особенно концентрированными, позволяют предположить, что происходила и постепенная инфильтрация в эти районы восточнокавказского населения (подробнее об этом см. [60]).

¹³ «Ортокорибантии» – это, по-видимому, перевод древнеперсидского *tigrahauda* («острошапочные») – эпитета группы сакских племен. Интересно, что в Мингечауре, зона которого примыкала к древней Сакамене, обнаружена печать, на которой изображен воин в остроконечной шапке.

¹⁴ Сакамена – *šaka-šayana*, т.е. «обитаемая земля саков». Не приходится сомневаться в том, что в хорониме *Καμψοτήνη* отразилось племенное название *kamboja*, а не

имя персидского царя Камбиза, которое, впрочем, само по происхождению этнофорное [78, с. 140 и сл.; 2, с. 266–268]. Об ираноязычных камбоджийцах см. [24, с. 72–79; 20].

¹⁵ Еще Ф. Шпехт [110, с. 29] указывал, что индоевропейские племена в своих миграциях, имевших место во второй половине III тыс. до н. э., обычно шли одними и теми же путями, следуя друг за другом, так сказать, «нагоняя» друг друга.

¹⁶ Термин «кутии» хотя и употребляется в источниках начала I тыс. до н. э., но, по-видимому, уже не имеет конкретного этнического значения [35, с. 104].

¹⁷ Племена mehri или mehnan в Вано-Урмийских областях засвидетельствованы в ассирийских источниках начиная с XIII в. до н. э. Мехранцы упоминаются и в хеттских документах того же времени [7, с. 69].

¹⁸ Мы имеем в виду атропатенский, точнее, мидийско-атропатенский этнос, сформировавшийся, как кажется, уже в эллинистическую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
2. Абаев В. И. Из иранской ономастики. – История Иранского государства и культуры. М., 1971.
3. Абаев В. И. К вопросу о прародине и древних миграциях индоиранских народов. – «Древний Восток и античный мир». М., 1972.
4. Азерли М., Мусевит Т., Ямпольский З. О слове «Азербайджан» (Заметки историков). – ДАН АзербССР. 1974, XXX, № 12.
5. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. – СЭ. 1968, № 2.
6. Алиев Играр. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. Баку, 1959.
7. Алиев Играр. История Мидии. Баку, 1960.
8. Алиев Играр. Сармато-аланы на пути в Иран. – История Иранского государства и культуры. М., 1971.
9. Алиев Играр. [Рец. на:] Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – ВДИ. 1973, № 3.
10. Алиев Играр, Асланов Гардашхан. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летосчисления. – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. III. Орджоникидзе, 1975.
11. Алиев Играр, Асланов Гардашхан. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане. – Древний Восток. 2. Ер., 1976.
12. Алиев Играр. О скифах и скифском царстве в Азербайджане. – «Переднеазиатский сборник». III (в печати).

13. А л и е в К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. – Труды VII МКАЭН. М., 1964.
14. А л и е в К. Г. Об этническом составе населения древнего Азербайджана. – МСППФАН. Баку, 1965.
15. А л и е в К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. – Труды VII МКАЭН. М., 1970.
16. А р е ш я н Г. Е. О раннем этапе освоения железа в Армении и на Южном Кавказе. – «Историко-филологический журнал». 2, 1974.
17. Б а р т о л ь д В. В. Историко-географический обзор Ирана. – Сочинения. Т. VII. М., 1971.
18. Б о г о с л о в с к и й Е. С., В а с и л ь е в К. В., В а с и л ь к о в Я. В. и др. IV сессия по Древнему Востоку. – ВДИ. 1969, № 2.
19. Б о к а р е в Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
20. Б о н г а р д - Л е в и н Г. М. «Западная царица» и камбоджийцы древнего Цейлона. – Древний Восток. 1. М., 1975.
21. Б р о м л е й Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
22. Г а ф у р о в Б. Г. Таджики. М., 1972.
23. Г и н д и н Л. А. Хроникальные заметки. – ВЯ. 1974, № 1.
24. Г р а н т о в с к и й Э. А. Племенное объединение Paṛṣu-Paṛṣava у Панини. – История и культура древней Индии. М., 1963.
25. Г р а н т о в с к и й Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
26. Г р а н т о в с к и й Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана. – История Иранского государства и культуры. М., 1971.
27. Г р о з н ы й Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка. – ВДИ. 1940, № 2.
28. Г у р б а н Р. О словах Азери, Атропатен, Азербайджан. – «Известия АН АзербССР». Серия литературы, языка и искусства. 1968, № 3 (на азерб. яз.).
29. Д е м и р ч е з а д е А. Пятьдесят слов. Баку, 1968 (на азерб. яз.).
30. Д е ш е р и е в Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
31. Д ж а м ш и д о в Ш а м и л ь. Перелистывая «Китаби-Деде Горгуда». Баку, 1969.
32. Д ж а у к я н Г. Б. Урартский и индоевропейские языки. Ереван, 1963.
33. Д ж а у к я н Г. Б. Взаимоотношения индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.
34. Д ь я к о н о в И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. – ВДИ. 1951, № 3.

35. Дьяконов И. М. История Мидии. М.–Л., 1956.
36. Дьяконов И. М. Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III–I тыс. до н. э. – МСППФАН. Баку, 1966.
37. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
38. Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа. – ВДИ. 1970, № 4.
39. Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса). – История Иранского государства и культуры. М., 1971.
40. История Ирана. М., 1977.
41. Кашкац С. М. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977.
42. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
43. Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965.
44. Климов Г. А. О внешних связях картвельских языков. – ВЯ. 1970, № 6.
45. Крупнов Е. А. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. – СА. 1964, № 1.
46. Кузьмина Е. Е. Навершие со всадниками из Дагестана. – СА. 1973, № 2.
47. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. – Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
48. Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.–Л., 1964.
49. Массон В. М., Сараниди В. И. О знаках на среднеазиатских Статуэтках эпохи бронзы. – ВДИ. 1969, № 1.
50. Мелентьев А. И. Две узды из Мингечаура. – СА. 1966, № 1.
51. Меликишвили Г. А. Наири – Урарту. Тбилиси, 1954.
52. Меликишвили Г. А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана. – ВДИ. 1960, № 3.
53. Меликишвили Г. А. Урартский язык. М., 1965.
54. Меликишвили Г. А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. – ВДИ. 1965, № 1.
55. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. – МИА СССР. 1961, № 100.
56. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
57. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в конце II тысячелетия до н. э. – Искусство и археология Ирана. М., 1971.
58. Погребова М. Н. К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II – начале I тыс. до н. э. – История Иранского государства и культуры. М., 1971.
59. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
60. Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху. – СА. 1977, № 2.

61. П о р ц и г В. В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.
62. Р з а е в Н. Элементы древнетюркской культуры на территории Кавказской Албании. – ДАН Азерб. ССР. 1965, XXI, 9.
63. С е и д о в М и р а л и. Происхождение слова и образа «Огуз». Огузская версия в Закавказье. – МСППФАН. Баку, 1965.
64. С м и р н о в К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. – СА. XXVII, 1957.
65. С м и р н о в К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. – СА. 1961, № 1.
66. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
67. С т р а б о н. География. М., 1964.
68. С т р у в е В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
69. Т а д м о р Х а и м. Три последних десятилетия Ассирии. – Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. 1. М., 1962.
70. Ч а и л д Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
71. Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
72. Я м п о л ь с к и й З. И. Древнейшие свидетельства о тюрках в зоне Азербайджана. – МСППФАН. Баку, 1965.
73. Я м п о л ь с к и й З. И. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана. УЗАГУ. Серия языка и литературы. 1966, 2.
74. В а l k a n К. Kassitenstudien. I. Die Sprache der Kassiten. – JAOS. Vol. 37, 1954.
75. В a r t o n G. A. The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad. New Haven, 1929.
76. В ö h m e r В. М. Volkstum und Städte der Mannäer. – Baghdader Mitteilungen. III. Baghdad, 1964.
77. С a m e r o n G. History of Early Iran. Chicago, 1936.
78. С h a r p e n t i e r J. Der Name Kambyses. – ZII. 1923, II, 1.
79. D e l i t z s c h F. Die Sprache der Kossäer. Lpz., 1984.
80. D y s o n R. H. Hasanlu and Early Iran. – “Archaeology”. 1960, XIII, 2.
81. D y s o n R. H. The Hasanlu Project. – “Science”. 1962, 135.
82. D y s o n R. H. Problems of Protohistoric Iran as Seen from Hasanlu. – JNES. 1965, XXIV, 3.
83. F o r r e r E. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient Pré-historique. – JA. 1930. CCXVII.
84. G a d d C. J. The Early Dynasties of Sumer and Akkad. L., 1921.
85. G h i r s h m a n R. Fouilles de Sialk, pres de Kashan. I. P., 1938.
86. G h i r s h m a n R. Iran. Protoiranien, Meder, Achämeniden. München, 1964.
87. G h i r s h m a n R. Invasions des nomades sur le Plateau Iranien aux premiers siècles du I millénaire avant J. C. – Dark Ages and Nomads. Istanbul, 1964.
88. G h i r s h m a n R. Persia from the Origins to Alexander the Great. L., 1964.

89. H a u s c h i l d R. Über die frühesten Arier im Alten Orient. B., 1962.
90. H e n c k e n H. Indo-European Languages and Archaeology. – “American Anthropologist”. 1955, vol. 57, 6, p. 3.
91. H e r z f e l d H. The Persian Empire. Wiesbaden, 1968.
92. H o m m e l Fr. Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients. I. München, 1904.
93. H r o z n y B. Sur les peuples caspiens. – AOr. 1940, XI.
94. H r o z n y B. Histoire de l’Asie Antérieure, de l’Inde et de la Crète. P., 1947.
95. H ü s i n g G. Der Zagros und seine Völker, eine archäologisch-ethnographische Skizze. – AOr. 1908, IX, 3/4.
96. H ü s i n g G. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. – MAGW. 1930, 60.
97. J a c o b s e n Jh. The Sumerian King List. Chicago, 1939.
98. J a t i t z K. Die Kassitischen Sprachreste. – “Anthropos”. 1957, 52.
99. J u n g e J. Saka-Studien. Lpz., 1939.
100. K l e n g e l H. Lullubum. Ein Beitrag zur Geschichte der Altvorderasiatischen Gebirgsvölker. – MIOF. 1966, XI, 3.
101. K ö n i g F. W. Älteste Geschichte der Meder und Perser. – AOr. 1934, XXXIII, 3/4.
102. K u z m i n a E. E. The Earliest Evidence of Horse Domestication and Spread of Wheeled Vehicles in Connection with the Problem of Time and Place of the Formation of the Indo-European Unity. – VIII Congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Belgrade, 1971.
103. L a f o n R. Etudes basques et caucasiques. – Acta Salamaticensia. Filosofia y Letras. 1952, V, 2.
104. L a n d s b e r g e r B. Habiru und Lullahhu. – KF. 1929, I, 2.
105. M u s c a r e l l a O. Excavations at Dinkha-Tepe, 1966. – The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 27, November 1968.
106. N i k i t i n e B. Les Kurdes, etude sociologique et historique. P., 1956.
107. P o r a d a E. The Hasanlu Bowl. – “Expedition”. 1959, I, 3.
108. P ö s c h e Th. Die Arier, ein Beitrag zur historischen Anthropologie. Jena, 1878.
109. S c h e f t e l o w i t z J. Die Sprache der Kossäer. – ZVSGIS. 1902, XXXVIII.
110. S p e c h t Fr. Zur Geschichte der Verbalklasse auf -e... – ZVSGIS. 1935, LXII.
111. S p e i s e r E. A. Mesopotamian Origins. The Basic Population of the New East. Philadelphia, 1930.
112. S u l i m i r s k i T. Scythian Antiquities in Western Asia. – “Artibus Asiae”. 1954, XVII.
113. T h o m p s o n R. C. The British Museum Excavation of Nineveh, 1931–1932. – “Annals of Archaeology and Anthropology”. 1933, XX.
114. T r u b e t z k o y N. S. Studien auf dem Gebieto der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. – Caucasica. Lpz., 1926.

115. V a n d e n B e r g e L. Le nécropole de Khurvin. Istanbul, 1964.
116. Y o u n g C. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran. 1500–500 B. C. – “Iran”. 1965, III.
117. Y o u n g C. The Iranian Migration into the Zagros. – “Iran”. 1967, V.

SUMMARY

An analysis of archeological and historical evidence confirms the hypothesis, previously advanced in the literature, which asserts that Iranian speaking peoples reached the territory of present-day Iran from the South Russian steppes via the Caucasus. It also helps in clarifying the nature of this migratory process. Since Iranian speaking peoples used, as a rule, the implements of the population in whose midst they found themselves, the prospects of discovering a definite archeological culture of the migrants appear to be very dim. Only fragments of material culture, mostly those pertaining to religious beliefs, may be held to be of Iranian origin and may be regarded as traces left by these peoples along the routes of their drawn-out migration.

The traces of the cult of the horse are numbered among such fragments. Interesting in this connection are some burial monuments of the late 2nd and early 1st millennium B.C. discovered in the vicinity of the Mingechar reservoir, which contain the remains of buried horses. This and several other features lead us to compare these monuments with the timber-grave culture burials of the South Russian steppes, whose Iranian background is now widely recognised, and with the burials discovered south of Lake Urmia. One may regard these monuments as landmarks left by Iranian speaking peoples along one of their migratory routes – a route which they had been following for several centuries.

The route along the western shores of the Caspian Sea was used by Iranian speaking peoples at a later period as well. Notably this was the path chosen by certain Scythian tribes and subsequently by the Alans. Sakasena and Kambisena are two Iranian language areas located in the East Transcaucasus. Iranian languages were spoken in the territory of the Maskut Kingdom from late antiquity through the early Middle Ages.

In the north-western part of the Iranian Plateau, the Iranian component was of considerable importance as early as the beginning of the 1st millennium B.C., with Iranian dialects gaining dominance as the *lingua franca* in an area populated by speakers of many different languages. Meanwhile, the newcomers assimilated the material culture and economic achievements of the aboriginal population.

Though the Iranisation of Western Iran and regions in the Transcaucasus proceeded in different ways, these processes were closely interrelated and stemmed from the migration of kindred peoples in the late 2nd and early 1st millennium B.C.